
«Свалила за бугор» безбашенная осень —
Что с эмигрантки взять? Ни света, ни тепла.
Опять пришла зима, когда её не просят,
И свиту за собой зачем-то привела.

Три месяца: Атос, Портос и этот самый
Зловещий Арамис — уже почти аббат,
Величеству её стремясь пропеть осанну,
Свой мушкетерский плащ снимает невпопад.

А я, наоборот: закуталась до носа,
Набила чемодан бумажной ерундой,
Готовая бежать. Да хоть бы в ту же осень.
И жёлтые листья рассеять над водой.

У фонтана

Фонтан — не Треви, нет — такой, как все,
У кинозала. Рядом с «Роспечатью»
Стояла я в нелепом жёлтом платье.
(Сказала бы, что с ленточкой в косе,
Но нет — с короткой стрижкой.) У крыльца
Влюбленные, мамы с малышами
На первый взгляд, друг другу не мешали...
Мне разве что. А я ждала отца.
Он в город мой приехал по делам
И позвонил, что, мол, увидеть хочет.
...Заснула я часа в четыре ночи...
Всё жизнь свою делила пополам:
На «до» и «после». Вот так поворот.
Отличница-студентка, ёлки-палки...
Весёлое «привет!» не скажешь папке:
Чужое слово больно вяжет рот...
Что рассказать, коль спросит, как дела?
А, может, и не спросит: просто скажет,
Что на него похожа, или даже:
«Красивая девчонка подросла!»
Мне было восемнадцать, что ли... На
Крылечке кинозала я томилась...
Час или два...а может, год... плюс-минус...
Да я там до сих пор стою.
Одна.

Я не сильная женщина, нет, не сильная
(Как и все мы) — здесь нет ни стыда, ни гордости.
Просто в сердце — камера морозильная:
Знай морозь и радости в ней, и горести.
И смешную девочку с белым бантиком,
На меня теперешнюю похожую,
И любовь, и лирику, и романтику
(Для чего оно — это всё?) заморожу я.

Потому что нет больше сил — оплакивать
И наивно верить, что время вылечит...
Доползу, чтобы счет предъявить оплаченный.
И неважно, кто потом сердце выключит.

Жить на пятом десятке спокойней и проще:
Не боишься казаться смешным и неловким,
Счастье — если поймать — отличаешь наощупь,
Начинаешь в дорогах ценить остановки,
Понимаешь, как мало нам, в сущности, надо,
Ищешь в книгах и улицах отзвуки детства...
А друзья... Что друзья? Если всё ещё рядом,
То теперь-то уж точно им некуда деться.
Новых взлётов желать или мягкой посадки?
Не пора ли разбавить и нежность, и ярость?
Ведь любовь бескорыстна на пятом десятке:
Все уже состоялось. И — не состоялось.

Что ни день — то испытание:
Беспокойная пора.
Учит сын Месопотамию,
Учит с самого утра.
Помогаю. Но, признаться, я
В мире древнем не сильна...
Колыбель цивилизации,
Скрипки первая струна.

Люди щедрые и юные
На другом конце земли
Цифры вовремя придумали,
Календарь изобрели.
Был в долине, между реками,
Первый друг и первый враг...
Тот Восток, что ближе некуда,
Вот он: Сирия, Ирак.

Как жить дальше, если истина
Не открыта до сих пор?
В карту вглядываться пристально,
Словно в общий приговор,
Чтоб спокойными казаться и
Ждать родных, пока живых...

Карусель цивилизации —
Сгусток точек болевых.

Убийца-март. Кто этого хотел?
Что это — гнев богов, а может, шалость?
Вся Чехия — сплошная ИВЛ.
Здесь никогда так трудно не дышалось.
Глаза прикрою, сотню раз подряд
Надеясь разглядеть за поворотом
То очередь у входа в Пражский град,
То девушек, смеющихся на фото...

Жизнь под замком. Закрыты горы.
В своём компьютерном аду
Прилипли дети к мониторам,
А я «вживую» к ним иду.

Садясь в крутящееся кресло,
Лечу я, будто с горки вниз...
«Мороз и солнце: день чудесный!»
Оденься, выйди, оглянись!

Уже отвыкли и боятся
Смешных прогулок невопад,
Встреч, громких песен, игр и танцев...
И называют раем ад...

Их отучили от объятий
И жажды к перемене мест...
Необъяснимое проклятье –
Их многомесячный арест...

Я жду неистово — апреля:
Отступит, может быть, беда...

Как наши дети постарели
У мониторов... навсегда!

Когда я за автобусом — вдогонку,
Вздыхаю, на подножке застревая,
Стихи ко мне стучатся потихоньку
И злятся: почему не открываю?

Когда я объясняю, что «несчастье»
Мы пишем слитно, а «не то» — отдельно,
Стихи ко мне настойчиво стучатся,
Не разделяя моего безделья.

Когда, в муке по локоть, я подробно
Склоняюсь над кастрюлей с кислым тестом,
Стихи ломают двери. Лезут в окна.
И вот я их впускаю. Наконец-то.

Не дождь, не снег — но что-то сыплет с неба.
Душа — от безысходности до гнева —
Опять проходит тёмный коридор.
Царит в соседней комнате Бетховен,
Блины печёт мой самый младший Овен,
А я смотрю в потухший монитор.

Бывает так на свете — что поделать?
В шестнадцать, двадцать восемь, сорок девять:
Безрадостно, бессмысленно, без... Но
Стреляет кошка искрами покоя...
Не дождь, не снег, а что-нибудь такое
Пробьётся к нам на Землю всё равно.